

Сила и ум эпохи

Гастроли Марии Гулегиной и Бо Сковхуса в Москве

Андрей Хрипин

В полном соответствии с законом жизни — то пусто, то густо — успевший изрядно проголодаться после декабрьского пиршества (когда одновременно на нас свалились и Паваротти, и Вальтраут Майер, и Лейферкус, и по три раза Джесси Норман с Хворостовским, и "Декабрьские вечера", и спиваковский фестиваль вкупе с моцартовским etc.), наш культурный Вавилон вновь едва успевает переваривать звездный коктейль начала лета. Не успел отпеть для страны свой первый "президентский концерт" на Красной площади сладковатый плейбой Дмитрий Хворостовский ("НГ" от

ты, разом вываливая все свои голосовые богатства в кучу и никак не инкрустируя их в процессе пения. Сковхус — полная противоположность. Другая человеческая ментальность, другая артистическая раса. Это облагороженная природа, искусство иными словами. Это умная и тонкая сила. Это порода и строгий стиль. Начиная с черного платочка в руках и заканчивая пением и поведением, это что-то исключительно дорогое — в том смысле как может быть дорог какой-нибудь простой, но качественный и изысканный предмет роскоши. Голос большой, хотя и не самый выдающийся по красоте тембра, причем певец никогда не позволяет себе демонстрировать ни деци-

ном дыхании, без занудных или грубых теток-ведущих, без антракта и аплодисментов между номерами.

Мария Гулегина, сделавшая имя на итальянской опере и признанная мировым оперным обществом как главная Тоска, леди Макбет и Абилай наших дней, по многим признакам (см. выше) все-таки русская певица. В этом можно было убедиться на ее выступлении в Доме музыки с оркестром Спивакова по случаю Международного дня защиты детей и 50-летия вступления России в ЮНЕСКО (на сцене и в зале в связи с этим появились не только министр иностранных дел, но и Майк Нобель, представлял которых ведущий Алексей Баталов). Вдохновитель и продюсер концерта Владислав Тетерин упорно муссировал мысль о возвращении дивы после 15-летнего отсутствия, хотя все прекрасно помнят, кто первым смог уговорить обиженную и предубежденную звезду со сложным характером — первым вернул нам Гулегину ее собрат по цеху Паата Бурчуладзе ("НГ" от 17.06.03).

Гулегина не может не впечатлять по определению. Источник сильной и брутальной энергетики всегда гипнотизирует. Мощная, супертяжелая вокальная артиллерия действует наподобие удава. Убойные и, как говорят в опере, кровавые арии сегодня вообще мало кто может исполнить адекватно, кроме двух-трех уникалов, включая Гулегину. Как и год назад, Гулегина пела сильно, может быть, даже еще сильнее в плане эмоциональной отдачи. Но репертуар прошлый раз был более подходящий. Всякая женщина знает, что ей идет (Гулегиной, например, очень идут декольтированные платья синих оттенков). Всякая певица понимает, какой репертуар ее, а какой не ее. Но состоявшимся творческим личностям свойственны порывы и мечтания — известно, что Гулегина, для которой кровавые леди и злодейки-амазонки с избытком мужского гормона, можно сказать, каждодневная работа, мечтает о жен-

ственности, нежности и лирике, о Лючии ди Ламмермур и Травиате, о бельканто и ажурных фиоритурах. Это хорошо, но от себя все равно не убежать. Да, она королева и пленница опер Пуччини и веристов, вердиевских "Набукко" и "Макбета". Да, хочется петь Норму, и в принципе можно — мастер есть мастер. И все же бельканто — не ее формат. Пиано — не ее конек. Колоратура — с натяжкой. Да и годы специализации на столь тяжелом репертуаре дают себя знать — нельзя же безболезненно и так долго ездить на танке по связкам. Временами в голосе мелькает тень усталости и амортизации, в верхнем регистре реально слышна стертость. Вокальными вершинами концерта стали знаменитое Расе из "Силы судьбы" и Моливта Тоски. Но, пожалуй, красноречивее всего свою сильную натуру Гулегина выразила в дьявольских куплетах леди Макбет, начиная с чтения письма басом и заканчивая яростными воплями, призывающими духов ада и убийства. И какой небесной чистотой повеяло после этого шабаша от запетой и заигранной Аве Марии Каччини. И как по-матерински нежно награждала Гулегина маленьких музыкантов — детей с ограниченными возможностями; ее фотографии с двумя мальчиками, прильнувшими к ней, должны войти в историю. Это было пронзительнее всего.

На равных второй героиней вечера была не по годам артистически зрелая 17-летняя японская скрипачка, ученица Захара Брона Майю Кишима, — ее существование на сцене и в музыке брамсовского Концерта можно смело назвать инопланетным. При полной свободе и раскрепощенности поведения — полное растворение в творчестве. Она играет так, как будто рядом нет людей, а вокруг один космос. Хоровая академия Виктора Попова — это всегда гарант качества и чистые, свежие голоса. А вот спиваковский НФО, да и сам маэстро явно чувствовали себя уютно в жанре оперного аккомпанемента.

Гулегиной очень идут декольтированные платья синих оттенков

31.05.04), как на сцену Бетховенского зала Большого театра, завершая очередной на редкость успешный (если не считать сорвавшийся рецитал Веселины Казаровой) сезон проекта "Камерные вечера", со своим российским дебютом ступил "датский Хворостовский" — знаменитый и по заслугам облаканный фортуной баритон Бо Сковхус, не только оперная звезда и лучший Воцек своего времени, но один из образцовых камерных певцов. Можно, к примеру, без сожаления пропустить очередную гастроль увядающих теноров с попсовыми манекенщицами или без оных, но шубертовская "Лебединая песня" из уст Сковхуса именно из тех концертов, на которые — умри, но приди. Странно, что маленький Бетховенский зал сумел вместить всех желающих.

Вот говорят: сила есть — ума не надо. К сожалению, это про русских певцов, которые подчас продают себя с первой же мину-

белы, ни краски ради спортивного интереса. Голосом владеет, как джинном из бутылки, — вокальный инструмент покорно слушается своего властелина и с легкостью выполняет самые сложные намерения артиста. Наши певцы с их манерой "вытянуть штангу" и "держат жим" часто кажутся бегунами на короткую дистанцию. В этом смысле Сковхус типичный стайер — работает по нарастающей, процентами и ювелирными нюансами. Умело оперируя почти разговорной интонацией (слова — как песчинки и драгоценные камни), приглушенным пиано и суховатыми голосовыми субтонами, он вырачивает здание шубертовского цикла, подобно архитектору, разливаясь, когда необходимо в эмоциональных кульминациях, полнозвучным форте и полнозвучной могучей кантиленой. Кроме того, Бо Сковхус и его пианист Хельмут Дойч напомнили нам, как проходит типичный европейский лидерабэнд — на од-